

Раздел 4

М. В. Агальцова

Координатор проекта «Повышение доступности правосудия для малоимущих групп населения Российской Федерации»

РАЗВИТИЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В СТРАНАХ СОВЕТА ЕВРОПЫ

Ювенальная юстиция признает, что несовершеннолетние нуждаются в отличной от взрослых системе правосудия, ориентированной на исправление подростка. Особая система рассмотрения дел с участием несовершеннолетних включает специальные процедуры, способствующие наиболее эффективному достижению главной цели системы — исправлению и реабилитации ребенка. В связи с тем, что ювенальная юстиция отказывается от возмездия как важнейшей цели наказания, неизбежно встает вопрос: а насколько необходимо соблюдать процессуальные права при отправлении такого рода правосудия?

Хотя сама постановка подобного вопроса покажется кому-то забавной, так как правосудие невозможно без соблюдения процессуальных прав подозреваемого или обвиняемого любого возраста, необходимо отметить, что возникновение процессуальных прав тесно связано с возмездием (восстановлением социальной справедливости) как целью наказания, ведь наличие процессуальных прав уменьшает возможность вынесения несправедливого решения. Так как ювенальная юстиция перемещает акцент с возмездия на исправление, необходимость наделения несовершеннолетних процессуальными правами ставится под вопрос. Более того, принимая во внимание тот факт, что реабилитация невозможна без коррекции окружения подростка, государство наделяет себя правом идентификации источника негативного влияния на подростка, а это невозможно влечет возможность государства вмешиваться в жизнь семьи, в которой воспитывается подросток. Анализу возникновения и развития двух отличительных черт ювенальной юстиции — процессуальных прав несовершеннолетних и возможности вмешательства государства в семейную жизнь — и посвящена данная статья.

Краткий экскурс в историю, или Как несовершеннолетние получили гражданские права в области отправления правосудия (на примере Дании)

Дания — типичная европейская страна, ювенальная юстиция которой развивалась одновременно с европейскими и мировыми тенденциями. Поэтому рассмотрение метаморфоз ювенальной юстиции в историческом разрезе на примере Дании позволит представить путем индукции общие тенденции развития ювенальной юстиции континентальной Европы.

До XVIII века в Дании практически не было различия между наказанием для взрослых и наказанием для детей: в обоих случаях оно преследовало цель устрашения. Основопологающим принципом при назначении наказания был принцип пропорциональности совершенному злу. В конце XVIII века наметились изменения в определении целей наказания для несовершеннолетних. С этого времени наказание назначается не только для устрашения, но и для реабилитации. В 1789 году датская система впервые стала назначать наказание, учитывая возраст несовершеннолетнего. Например, санкция по отношению к совершившим кражу детям старше 10 лет варьировалась от наказания розгами до двухлетнего заключения и каторжного труда. Дети же младше десяти лет не наказывались¹.

Таким образом, только к концу XVIII века формируется понимание, что дети — это не точная копия взрослого, только уменьшенная. У детей

¹ *Bottoms A., Dignan J. Youth Justice in Denmark // Youth Crime and Youth Justice: Comparative and Cross-National Perspectives / Ed. by M. Tonry, A. N. Doob. Chicago: University of Chicago Press, 2004. (Crime and Justice. Vol. 31). P. 353.*

есть отличные от взрослых потребности: они нуждаются не в наказании, а в защите; не в палке, а в образовании. Эта мысль послужила основой для такого философского толкования ювенальной юстиции, которое получило название концепции «благодеяния» и было направлено на исправление подростка через правильное воспитание и образование. Согласно положениям данной концепции, дети по причине своей незрелости не могут действовать рационально, а поэтому и преступления они совершают не по собственной воле: девиантные действия детей объясняются дисфункцией среды, в которой они воспитываются.

В этой связи задача ювенальной системы заключается в обнаружении тех социальных причин, которые подтолкнули несовершеннолетнего к совершению проступка, и в избавлении от этих причин². В силу того, что упомянутая концепция наделяет государство функциями арбитра в отношениях родители — дети и при этом предоставляет широкие полномочия государству в принудительном обеспечении исполнения родителями их функций, эта концепция именуется в науке **консервативной**³.

Преследуя цель предотвращения преступлений, государство воздействует не только на родителей, но и на детей посредством выделения особой группы преступлений, субъектом которых может выступать только несовершеннолетний. Такие правонарушения в англоязычной литературе называются *status offences* и, как правило, включают систематическое непосещение школы, азартные игры, неисправимо дурное поведение, побег из дома. Выделение данной группы преступлений свидетельствует о желании государства следить за тем, чтобы дети воспитывались в благоприятной среде без негативного влияния криминогенных факторов. Если государство приходило к мнению, что среда воспитания недостаточно благоприятна, то к процессу воспитания подключались социальные службы. При этом государство забирало у родителей их функции по воспитанию ребенка. В теории права подобное поведение государства называется *parens patriae* (от лат. «вместо родителей»)⁴.

² Ярким современным примером законодательного воплощения такой доктрины являются страны Латинской Америки, где совершивший преступление ребенок считается жертвой аномальной ситуации, так называемой «*situacion irregular*», когда его физическое и моральное благополучие находится в опасности (см.: Innocenti Digest. ID3: Juvenile Justice. 1998. P. 11 (<http://www.unicef-irc.org/publications/pdf/digest3e.pdf>)).

³ Bottoms A., Dignan J. Op. cit. P. 9.

⁴ Kratcoski P. C., Edelbacher M. Juvenile Justice in Austria and the United States: Similarities and Differences //

Важной особенностью консервативной модели ювенальной юстиции является отсутствие процессуальных гарантий прав несовершеннолетних. Подразумевается, что поскольку государство действует в качестве родителя, а родители не предоставляют процессуальных гарантий своим детям, то и государство не обязано устанавливать и соблюдать процессуальные права несовершеннолетних. В рамках данной модели государство акцентирует внимание на устрашении как на цели наказания, поэтому принцип пропорциональности наказания совершенному злу не соблюдается.

В 1980-е годы в датской системе работы с несовершеннолетними (следуя мировым тенденциям) начался кризис: стало очевидным, что система, основывающаяся на доктрине «благодеяния», не эффективна в превенции преступлений⁵. При назначении наказания суды стали ориентироваться не только на исправление, но и на возмездие, а это привело к тому, что несовершеннолетние получили процессуальные права⁶. Поэтому данный подход к правосудию по делам несовершеннолетних стал называться **легалистским**. В это же время под напором последователь доктрины минимального вмешательства государства (в других странах это движение называется движение «радикального невмешательства»⁷) ювенальная система в Дании отказывается от чрезмерного вмешательства государства в семейную жизнь. Таким образом, в становлении ювенальной юстиции в Дании XX века можно выделить два этапа: господство доктрины «благодеяния» и легалистский подход. Похожие тенденции наблюдаются и при анализе прецедентов Европейского Суда по правам человека (далее — Суд).

Стандарты Совета Европы по правосудию по делам несовершеннолетних

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) лишь в нескольких статьях отдельно упоминает права несовершеннолетних, в частности в статье 5 (право на свободу и личную неприкосновенность), запрещая незаконное лишение свободы, кроме задержания несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора

International Journal of Police Science & Management. Vol. 11. 2008. No. 2. P. 210.

⁵ Bottoms A., Dignan J. Op. cit. P. 371.

⁶ Ibid.

⁷ Карнозова Л. М. Включение программ восстановительной юстиции в работу суда. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 23.

или его законного задержания, произведенного с тем, чтобы это лицо предстало перед компетентным органом. Статья 6 (право на справедливое судебное разбирательство) закрепляет исключение из общего правила публичного объявления судебного решения при рассмотрении дела с участием несовершеннолетнего.

Примечателен тот факт, что до 1990-х годов количество дел, рассмотренных судом по процессуальным правам несовершеннолетних, было невелико, и это объясняется, скорее всего, господством доктрины «благодеяния» вплоть до конца 1980-х, не предполагающей наделяния несовершеннолетних процессуальными правами. С начала 1990-х намечается переход от доктрины «благодеяния» в сторону легалистского подхода. В одном из первых решений по делу с участием несовершеннолетних, принятом в 1992 году, Европейская комиссия по правам человека не согласилась с аргументом Нидерландов, утверждавших, что действие Конвенции, в частности статьи 6, не распространяется на несовершеннолетних⁸. С этого момента поток дел, связанных с процессуальными гарантиями несовершеннолетних, значительно увеличивается. В рамках данной статьи будут рассматриваться решения Европейского Суда по правам человека относительно соблюдения государствами статьи 6 и статьи 3 (запрет пыток и бесчеловечного обращения).

Процессуальные гарантии несовершеннолетним правонарушителям в контексте Конвенции о правах человека

Требования Конвенции (ст. 6) устанавливают, что справедливое правосудие означает «справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона», право на: рассмотрение дела в публичном заседании, объявление решения публично, разумность сроков судопроизводства, достаточность времени на подготовку к заседанию, незамедлительность уведомления о характере и основании предъявленного ему обвинения, эффективное участие в судопроизводстве⁹.

Хотя Конвенция не говорит прямо о праве на эффективное участие в судебном процессе, Суд

справедливо считает, что это понятие «лежит в основе концепции состязательного процесса»¹⁰.

Возможность эффективно участвовать в разбирательстве оказалась в центре внимания в делах *T. против Соединенного Королевства*¹¹ и *V. против Соединенного Королевства*¹². Т. и V. — оба в возрасте десяти лет — забили насмерть двухлетнего мальчика и оставили его тело на рельсах железной дороги. Согласно законодательству Великобритании уголовная ответственность наступает с десяти лет. Принимая во внимание тяжесть преступления, судебные заседания проходили не в ювенальном суде, а в суде для взрослых. Оба мальчика были приговорены к неопределенному сроку заключения. При подаче заявления в Суд заявители (представители мальчиков) жаловались на то, что дети не могли эффективно участвовать в судебном заседании по причине своего возраста (нарушение ст. 6 Конвенции). По мнению заявителей, дети также подвергались негуманному обращению, так как судебные заседания имели открытый характер и привлекли повышенное внимание общественности (нарушение ст. 3).

Европейский Суд отметил, что среди государств — членов Совета Европы нет консенсуса относительно возраста уголовной ответственности, поэтому ранний возраст уголовной ответственности в Великобритании не нарушает требований статьи 3 Конвенции. Относительно утверждения заявителей о том, что повышенная публичность нарушила запрет негуманного обращения, так как вызвала состояние стресса, подтвержденное медицинскими исследованиями, Суд пояснил, что любые судебные процедуры (вне зависимости от того, были ли они публичными или проходили за закрытыми дверями) вызвали бы беспокойство у ребенка (равно как и у взрослого). Убедительные доказательства того, что отсутствие публичности в процессе не вызвало бы состояние стресса, не представлены, а значит, нет и нарушения запрета на негуманное отношение.

Рассматривая заявленное нарушение статьи 6, Суд указал, что для эффективного участия несовершеннолетнего необходимо, чтобы «возраст ребенка, уровень зрелости, интеллектуальные и эмоциональные характеристики принимались во внимание». Суд заявил, что хотя обвиняемый имел законных представителей, но во время су-

⁸ Eur. Commission H.R. Application no. 13924/88, *Nortier v. the Netherlands*, Report of 9 July 1992. § 60.

⁹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод, измененная и дополненная Протоколом № 11. Доступна по адресу: <http://www.echr.coe.int/NR/rdonlyres/6AE69C60-8259-40F8-93AF-8EF6D817C710/0/RussianRusse.pdf>.

¹⁰ Application no. 70337/01, *Güveç v. Turkey*, Judgment of 20 January 2009.

¹¹ Application no. 24724/94, *T. v. the United Kingdom*, Judgment of 16 December 1999.

¹² Application no. 24888/94, *V. v. the United Kingdom*, Judgment of 16 December 1999.

дебного заседания он находился отдельно от них («на расстоянии шепота», как заявляла Великобритания), из чего следует, что ребенок не мог проконсультироваться с ними и инструктировать адвокатов. Принимая во внимание, что в судебном заседании было много прессы, которая, естественно, пугала ребенка, Суд заключил, что ребенок не мог полноценно и эффективно участвовать в рассмотрении его дела и инструктировать своего адвоката. Подобная формулировка является важным показателем того, что Суд рассматривает детей десяти лет как самостоятельных и дееспособных граждан, которые способны понимать происходящее в судебном процессе и участвовать в нем. Однако здесь возникает логичный вопрос: насколько ребенок должен понимать то, что происходит в зале заседания, чтобы Суд признал его «эффективным участником»?

В деле *S. C. против Соединенного Королевства*¹³ Суд рассматривал дело одиннадцатилетнего S. C., который обвинялся в краже, взломе и поджоге. Заявители считали, что в связи с низким уровнем интеллектуального развития S. C. он не мог принимать эффективного участия в рассмотрении дела. Суд сделал ряд важных замечаний относительно эффективности участия несовершеннолетних в судебных заседаниях. Он посчитал, что нельзя требовать, чтобы ребенок понимал абсолютно все, что происходит в зале заседания, так как даже взрослый человек (без специально юридического образования) не может до конца понимать все происходящее в судебном заседании. Однако обвиняемый должен иметь возможность в общем смысле понимать происходящее: природу процесса и возможное наказание, а также то, что говорится прокурором и свидетелями.

Применяя данные принципы к делу, Суд признал, что вследствие своего низкого интеллектуального развития несовершеннолетний не понимал ни того факта, что за совершенное деяние ему грозит наказание в виде лишения свободы, ни судебного процесса в целом. Таким образом, он не мог эффективно участвовать в судебном процессе, а значит, Великобритания нарушила статью 6 Конвенции. Но опять возникает вопрос: где проходит черта между детской возможностью или невозможностью эффективно участвовать в судебном процессе?

По поводу этого случая Суд не дал однозначного ответа, предложив странам, руководствуясь выработанными принципами, самим определять тот возраст и те условия, при которых дети на-

чинают удовлетворять требованиям «эффективности участия». Суд же оставляет за собой право принимать решение о соответствии требованиям Конвенции регулирования, установленного государством. Такая логика Суда отчасти обуславливается тем, что среди стран Совета Европы нет однородности (консенсуса) по возрасту уголовной ответственности несовершеннолетних, который варьируется от 7 (на Кипре) до 18 лет (в Бельгии).

Как показывает анализ судебных решений, европейский консенсус играет значительную роль в обосновании спорных и с моральной точки зрения сложных решений, таких, например, как дело *Лудвин против Соединенного Королевства* (дело о дискриминации людей, прошедших медицинскую операцию по смене пола, где Суд использовал «европейский консенсус» как доказательство незаконности дискриминационной практики Великобритании). Руководствуясь отсутствием консенсуса относительно возраста уголовной ответственности, Суд не берется за унификацию правил отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, занимая роль арбитра соблюдения требований Конвенции странами. При этом Суд охотно признает особый статус несовершеннолетнего участника судебного заседания.

В деле *Повеч против Турции*, где несовершеннолетний заявитель (во время задержания ему было 15 лет) подозревался в принадлежности к Курдской рабочей партии (*Parti Karkerani Kurdistan*), дело подростка рассматривал Государственный суд безопасности, уполномоченный рассматривать дела, связанные с терроризмом, а не ювенальный суд, предоставляющий дополнительные гарантии несовершеннолетним обвиняемым. В этом деле у заявителя не было адвоката на начальных этапах расследования, однако впоследствии у него появился представитель по договору. Суд установил, что адвокат постоянно не являлся на судебные заседания, поэтому не предоставлял подростку необходимого качества защиты. Хотя Суд всегда придерживался мнения, что при неадекватной работе адвоката по договору Суд не будет усматривать нарушение статьи 6 Конвенции, так как отношения между клиентом и адвокатом по договору охраняются принципом свободы договора, однако, принимая во внимание возраст несовершеннолетнего, Суд сделал исключение из своего правила и признал, что турецкий суд должен был вмешаться и обеспечить адекватное представительство интересов несовершеннолетнего.

Рассмотренное дело предоставило еще один повод Суду, чтобы подчеркнуть особое положение

¹³ Application no. 60958/00, *S. C. v. the United Kingdom*, Judgment of 15 June 2004.

несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых. В данном случае несовершеннолетний содержался во время своего предварительного заключения вместе со взрослыми. Причем условия, в которых он содержался, оказывали на него сильное негативное влияние и в конечном итоге привели к глубокой депрессии и попыткам самоубийства. Суд подчеркнул, что для установления негуманного обращения необходимо учитывать все обстоятельства дела, в том числе продолжительность такого обращения, физические и психические последствия, а иногда и пол, возраст, состояние здоровья жертвы. По этому делу Суд принял следующее решение:

«Принимая во внимание возраст заявителя, продолжительность его заключения под стражей, непредоставление государством необходимой медицинской помощи для лечения психологических проблем и бездействие в предупреждении последующих попыток самоубийства, у Суда не возникает сомнений, что заявитель подвергался нечеловеческому и унижающему человеческое достоинство обращению»¹⁴.

Несмотря на то что приведенные решения Суда проясняют его логику, мотивация Суда не будет до конца понятной без упоминания того, что при вынесении решений относительно несовершеннолетних Суд нередко обращается к Конвенции о правах ребенка. Устанавливая, что, согласно пункту «а» статьи 37 Конвенции, ребенком является человек в возрасте до 18 лет, данная Конвенция провозглашает, что ювенальная юстиция должна быть основана на равенстве участников процесса (ст. 2), при этом наилучшее соблюдение интересов ребенка должно составлять основу всех действий государства (ст. 3). Конвенция также закрепляет право каждого ребенка на такое обращение, которое уважает его достоинство и принимает во внимание его возраст (п. «с» ст. 37), право на своевременное совершение процессуальных действий (п. «d» ст. 37), право на рассмотрение дела компетентным, независимым и беспристрастным органом и право на безотлагательное принятие этим органом решения в отношении любого такого процессуального действия (п. «d» ст. 37).

Конвенция о правах ребенка устанавливает право ребенка на обращение, «которое способствует развитию у ребенка чувства достоинства и значимости, укрепляет в нем уважение к правам человека и основным свободам других и при котором учитываются возраст ребенка и желатель-

ность содействия его реинтеграции и выполнению им полезной роли в обществе» (п. 1 ст. 40). Права несовершеннолетнего на частную и семейную жизнь, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции при отправлении правосудия должны также соблюдаться (ст. 16). Ребенок не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному, унижающему человеческое достоинство обращению (ст. 37). Данная Конвенция также устанавливает запрет на незаконное и произвольное лишение свободы (ст. 37). При этом арест, заключение под стражу, лишение свободы должны использоваться в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого периода времени. Конвенция требует, чтобы дети содержались отдельно от взрослых (ст. 37).

Возвращаясь к решениям Европейского Суда по отношению к несовершеннолетним, отметим, что становится очевидной легалистская философская основа решений Суда, когда он отводит себе роль только арбитра законности процесса, строго следя за тем, чтобы гарантии Конвенции о правах ребенка соблюдались. Несмотря на общеевропейское признание процессуальных прав несовершеннолетних, страны Совета Европы сохраняют за собой функцию охраны ребенка от негативного влияния среды (доктрина *parens patriae*). Не осуждая подобную практику стран, Суд следит за соблюдением границ вмешательства государства в семейную жизнь с целью охраны ребенка от влияния такой окружающей среды, которая способна причинить вред развитию ребенка, тем самым Суд ограничивает доктрину *parens patriae* процессуальными гарантиями. Такая позиция хорошо прослеживается в делах по статье 3 Конвенции о правах ребенка, где субъектом преступления является не представитель государства, а частное лицо.

Концепция *parens patriae* в решениях Европейского Суда

В деле *A. против Соединенного Королевства*¹⁵ отчим 9-летнего мальчика А. избил его, оставив на ногах мальчика много синяков и кровоподтеков. Другого ущерба здоровью нанесено не было. Суд признал, что статья 3 Конвенции о правах ребенка требует, чтобы государство предпринимало активные действия по защите людей на своей территории от негуманного обращения, в том числе такого обращения, которое исходит от частных лиц (*H.L.R. v. France*, Judgment of 29 April 1997. Reports 1997-III. P. 758. § 40). Хотя теле-

¹⁴ Application no. 70337/01, *Güveç v. Turkey*, Judgment of 20 January 2009.

¹⁵ *A. v. the United Kingdom*, Application nos. 100/1997; 884/1096, Judgment of 23 сентября 1998 года.

сное наказание в разумных пределах разрешено законодательством Великобритании, нанесенные побои, по мнению Суда, явно выходили за пределы разумности.

Как утверждают исследователи, у Суда наметилась тенденция расценивать нанесение ударов палкой как более тяжелое наказание, нежели использование других подручных предметов¹⁶. Например, Суд посчитал, что семилетний ребенок не был подвергнут негуманному обращению, когда от директора получил три шлепка спортивной туфлей¹⁷, в то время как одного удара палкой было достаточно, чтобы негуманное обращение было доказано¹⁸.

При рассмотрении дел о негуманном обращении Суд не накладывает на государство обязанности по установлению всех случаев нанесения родителями шлепков и подзатыльников детям. Однако после того как представитель государственного аппарата узнал о нанесении побоев, причинивших серьезный вред здоровью, государство должно предпринять активные действия. Также важно заметить, что не всякий подзатыльник должен вести к вмешательству государства в семейную жизнь. Государство должно вмешиваться только в самых серьезных случаях, имея для этого достаточный повод. Наличие такого повода стало предметом рассмотрения Судом дела *D. P. и J. C. против Соединенного Королевства*¹⁹.

В данном деле заявители считали, что государство нарушило запрет на негуманное обращение, так как не привлекло к уголовной ответственности отчима, который на протяжении десяти лет сексуально эксплуатировал детей. Опираясь на ранее решенные дела (*X и Y против Нидерландов*, решение от 26 марта 1985 года; *Костелло-Робертс против Соединенного Королевства*, решение от 25 марта 1993 года), Суд отметил, что государство должно защищать людей от негуманного обращения, не только пассивно реагируя на совершенные действия, но и принимая активные меры. Однако согласно логике Суда данное обязательство не носит абсолютного характера. Для того чтобы активно действовать, у государства должен быть повод. По мнению заявителей, в рассматриваемом деле социальные службы, имея частый контакт с семьей, должны были обнару-

жить, что дети подвергаются сексуальному насилию со стороны приемного отца. При вынесении решения Суд руководствовался отсутствием реальных доказательств того, что службы знали о происходящем насилии (несмотря на существование у заявителей многочисленных возможностей сообщить представителям служб о поведении приемного отца, заявители этого не сделали). Суд пришел к выводу, что социальные службы не имели повода подозревать, что дети подвергаются насилию, а поэтому требования заявителей не могут быть удовлетворены.

При анализе этого решения возникают противоречивые чувства. С одной стороны, сочувствие детям, которые подвергались сексуальному насилию в течение очень продолжительного времени. С другой стороны, думается, что решение Суда не допустить активного вмешательства государства в семейную жизнь без реального повода носит позитивный характер, так как не налагает на государство обязанности вмешиваться в частную жизнь людей без разумного повода. Данное решение также приводит к выводу, что Суд считает частную жизнь ценностью, равновеликой запрету негуманного обращения.

Тайна семейной и частной жизни охраняется статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а «вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права» возможно, когда оно «предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе» для достижения указанных в Конвенции целей. Приведем примеры, свидетельствующие о том, как данные положения помогают рассмотрению дел Судом.

В деле *Олсон против Швеции*²⁰ Швеция утверждала, что решение о лишении родительских прав было обосновано, так как дети несколько лет проживали в неудовлетворительных условиях из-за невозможности родителей предоставить достаточный уровень заботы, поощрения и надзора. Как показатель неспособности родителей обеспечить достаточный уровень заботы Швеция использовала сведения о замедленном психическом и речевом развитии детей. Принятые государством превентивные меры результатов не дали. С учетом того, что лишение родительских прав имело под собой достаточную законодательную базу и преследовало законную цель — охрану здоровья детей, при рассмотрении дела на соответствие процедуры требованиям упомянутой Конвенции Суд изучил необходимость такого вмешательства в демократическом обществе. Суд постановил,

¹⁶ *Kilkelly U. Children's Rights: A European Perspective // Judicial Studies Institute Journal. Vol. 4. 2004. No. 2. P. 85.*

¹⁷ Application no. 13134/87, *Costello-Roberts v. the United Kingdom*, Judgment of 25 March 1993.

¹⁸ Eur. Commission H.R. *Warwick v. the United Kingdom*, Report of 18 July 1986.

¹⁹ Application no. 38719/97, *D.P. & J.C. v. the United Kingdom*, Judgment of 10 October 2002.

²⁰ Application no. 10465/83, *Olsson v. Sweden* (No. 1), Judgment of 24 March 1988.

что разделение семьи — это очень серьезное вмешательство в семейную жизнь, которое может быть оправдано только чрезвычайно важными причинами и основательным изучением интересов ребенка. При этом обоснование того, что ребенок будет лучше материально обеспечен в государственном учреждении, представлялось недостаточным. Суд заявил, что для принятия решения о подобных действиях в демократическом обществе следует оценивать все обстоятельства дела, уделяя достаточное внимание воздействию лишения родительских прав на участников процесса и возможным альтернативам. Подчеркивая, что государство должно иметь широкое право усмотрения при решении подобных вопросов, Суд пристально наблюдает за соответствием требованиям Конвенции процесса лишения родительских прав. Основываясь на медицинских показателях о наличии замедленного психического развития из-за неспособности родителей предоставить детям должный уровень заботы, Суд пришел к выводу, что Швеция при лишении родительских прав не нарушила статьи 8 Конвенции.

Данные принципы рассмотрения дел, вызванные вмешательством государства в семейную жизнь, Суд использовал и в деле *Курочкин против Украины*²¹. Здесь, в отличие от дела против Швеции, была нарушена Конвенция, что привело к аннулированию государством решения об усыновлении на основании того, что ребенок вел себя очень агрессивно по отношению к окружающим и что, по мнению властей, это свидетельствовало о недостаточно хорошем исполнении приемными родителями своих обязанностей. Еще раз подчеркнув, что разделение семьи является серьезным вмешательством в семейную жизнь, Суд отверг заявление Украины о том, что вмешательство было оправданным.

Ценность семьи и предпочтительность воспитания ребенка в семье в настоящее время укрепились в практике многих государств. Например, общественное мнение США однозначно считает семью самым важным социальным институтом²². Поэтому государство должно сохранять семью так долго, как это возможно. Некоторые штаты Америки, руководствуясь целью сохранения семьи, начали эксперимент по внедрению приютов раннего вмешательства в качестве средства, помогающего сохранить семью. При этом презюмируется, что при совершении правонарушения вме-

шательство уже запоздало, так как конфликт породил серьезные негативные последствия. Наличие конфликта объясняется либо внешними (по отношению к подростку) причинами, содержащимися в окружении подростка, либо внутренними причинами, которые объясняются природным характером несовершеннолетнего. Окружение детей — это семья, школа или их сверстники. Среди психологических индивидуальных характеристик американские ученые отмечают отсутствие целеустремленности, неуспеваемость в школе, наркотическую или алкогольную зависимость²³. Если поведение подростка было обусловлено недолжным исполнением родителями своих функций, то судебное разбирательство только обострит семейный конфликт, что в свою очередь может привести к дальнейшей криминализации подростка.

Исходя из этой логики, с конца 1990-х годов в таких штатах, как Нью-Йорк и Флорида, законодательно была закреплена система «раннего вмешательства» (*early intervention*). С 2002 года статистика Нью-Йорка показывала, что данная система помогла более чем 18 000 семей. Подростки приходили в приют раннего вмешательства либо сами, либо по направлению полиции, школы или родителей. Они могли оставаться в приюте на срок до нескольких недель. Сотрудники приютов оценивали состояние подростка и консультировали его по мере необходимости. Например, они проводили психологические консультации, лечение от наркотической или алкогольной зависимости, учебное консультирование, тренинги по различным жизненным навыкам. Если причина девиантного поведения подростка крылась в семье, то сотрудники приюта также проводили семейные консультации и тренинги для родителей²⁴.

Таким образом, представленное в данной статье исследование показывает, что ювенальная юстиция европейских государств проходила несколько стадий формирования.

В 50-е годы XX века государства пришли к необходимости учитывать особый статус несовершеннолетнего при отправлении правосудия. Доктрина, господствующая в теории права с 1950-х годов, получила название «доктрина благоденствия». Интересно заметить, что особый статус несовершеннолетнего в свете данной доктрины обуславливал назначение наказания за деяние с

²¹ Application no. 42276/08, *Kurochkin v. Ukraine*, Judgment of 20 May 2010.

²² *Weithorn L.A.* Envisioning Second-Order Change in America's Responses to Troubled and Troublesome Youth // *Hofstra Law Review*. Vol. 33. 2005. No. 4. P. 1135.

²³ *Rabinowitz L.* The Early Bird Gets the Worm: A Proposal to Develop Early Intervention Shelters throughout Massachusetts // *Boston College Third World Law Journal*. Vol. 30. 2010. No. 1. P. 145–178. 149.

²⁴ *Ibid.* P. 151.

целью перевоспитания «заблудшего» ребенка. Исходя из данной цели, за несовершеннолетними не признавались процессуальные права, так как отправление правосудия рассматривалось как воспитательный акт и замещение функций, не исполненных родителями, которые, как известно, не наделяют детей процессуальными правами при их воспитании. В рамках данной доктрины государство получало широкие полномочия по вмешательству в семейную жизнь для спасения ребенка от негативного влияния окружающих. В случае обнаружения негативного влияния государство брало на себя функции родителя, помещая ребенка в различные социальные учреждения.

С 1990-х годов наметилось ограничение доктрины «благодеяния»: руководствуясь интересами ребенка и признавая необходимость особого подхода при работе с несовершеннолетними правонарушителями, государство должно было гарантировать соблюдение процессуальных прав несовершеннолетнего. Более того, интересы ребенка не могли отменять необходимость уважения и соблюдения прав других членов общества. Право на охрану частной и семейной жизни также являлось значимой ценностью, поэтому при вмешательстве в семейную жизнь государство должно было оценивать риски, которые вмешатель-

ство могло повлечь. Более того, наблюдалось осознание того, что благополучие ребенка не сводится исключительно к материальному благополучию, так как в конечном счете наличие материальных ценностей в семье — это показатель достатка, а не родительской любви и заботы.

Подобные тенденции хорошо прослеживаются при анализе решений Европейского Суда. Если до начала 1990-х годов количество решений по соблюдению требований справедливости судебного разбирательства было минимальным, то с начала 1990-х наблюдается рост их количества, который свидетельствует, что граждане государств стали более активно заботиться о правах несовершеннолетних, а Суд стал более охотно рассматривать такие дела и при этом постоянно отмечал обязательность соблюдения прав несовершеннолетних. Суд признавал, что несовершеннолетний — особый субъект, поэтому объем его процессуальных прав должен не только соответствовать объему прав взрослых участников процесса, но быть больше. Таким образом Суд подчеркивал необходимость заботиться о благодеянии несовершеннолетних, но свободу действий государства по установлению такого благодеяния ограничивал процессуальными гарантиями.